

ИЗ АРКТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

17-1-1935 год, мыс Шмидта.

Этими днями по расчёту должно было показаться солнце, но сегодня солнца всё ещё нет, его ещё никто в этих широтах не видел. Скорее бы показалось солнышко, может быть, оно оживит хотя бы немного дурное настроение, которое появилось за длинную полярную ночь... После телеграмм, полученных от ребят из института, чертовски тянет туда. Где бы я ни находился, что бы ни делал, мысли всё об учёбе.

Чукотка. Здесь обозначены некоторые места из тех, что упоминаются в дневнике.

Был на фактории (торгово-снабженческо-заготовительный пункт в далёких от цивилизации районах, как правило пушной. – *Ред.*), узнал одно дурацкое распоряжение «Союзпушнины» насчёт приёма и заготовки факторией песцов. Есть указание заготавливать и принимать песцов до 25 апреля, а они кончают гулять 25 марта. В апреле шерсть песца уже не годится – он начинает линять. Кроме того, это приведёт к уничтожению песцового хозяйства на севере страны.

Чувствую себя плоховато, t 38,8, часто потею, большой упадок сил, очевидно, от переутомления на монтаже радиорубки и силовой установки. Ведь Гусев и Карасёв приехали на Север «по благу», ничего о машинах не знают и, очевидно, и не знали, особенно Карасёв. Оба слабосильные, даже в небольшой мороз, –25–35°, уже мёрзнут. Ну что с них возьмёшь?

Кончаю читать «Огненный путь».

22 января 1935 года, мыс Шмидта.

20-го появилось наше любимое солнышко. Все работники полярной станции вывалили на крыши, на самолёты, то есть кто куда мог взобраться для его встречи. Был установлен приз – кто первый увидит солнце. Все вооружились фотоаппаратами, тёмными стёклами и т.д. Слезли с «нар» даже «тепляки», которые никогда на воздухе не бывают. Нам, можно сказать, повезло, так как солнышко должно было быть ещё 17/1, но из-за тумана и пурги мы его не видели, а 20-го оно перед нами появилось из-за мыса Сердце-

Камень сразу во весь рост, уже выше над горизонтом, и с каждым днём ярче и ярче светит. Сразу всё изменилось.

Сегодня начальник полярной станции сказал мне окончательно, что я иду в длительную, 5-6-месячную экспедицию по съёмке побережья Чукотки, от мыса Северный до мыса Шелачский, что у залива Чаунская губа. Это на запад к дельте реки Нарым и острову Айон. Работа тяжёлая и немного опасная, нужно сделать топосъёмку и подробно всё описать, даже со слов чукчей. Определить высоту всех сопков, дать им имя, положение рек, ручейков и всего, что попадётся на пути. Охватывать будем до 10 км от берега Ледовитого океана и вглубь тундры до границы видимости приборов, но не менее 10 км.

23 января 1935 года, мыс Шмидта.

В 18 часов возвратились ребята, которые пробивали трассу мыс Шмидта–Ванкарем. Ребята очень устали, намучились, но это обычная поездка в Арктике.

Чертовски опять скучно. Скорее бы уйти в экспедицию и проверить себя, на что ты способен. Можешь ли перенести в обычной палатке мороз $-50-60^{\circ}$, пургу 10–12 баллов, сплошной туман, когда и руки своей вытянутой не увидишь. Ну конечно, и с «умкой» (белый медведь. – *Ред.*) придётся встречаться...

Сегодня тепло, $-28-30^{\circ}$, немного пуржит. Я ещё бегаю в унтах, без шапки и в одной спортивной рубашке...

Начал читать «Дневник мещанина» Тургенева...

25 января 1935 года, мыс Шмидта.

После вахты на радиостанции спал в спальном мешке. В комнате тепло, 0–2, даже до +3 иногда доходит. Собаки спят с нами... Всё-таки с собаками и веселей, и теплей. Чувствую себя плохо, здорово болит голова, может потому, что ночь не спал и всё читал, а может потому, что надышался запахом бензина от движка. Скорее бы в экспедицию...

30 января 1935 года, мыс Шмидта.

Мороз, опять заглох двигатель, опять меня ночью поднимают – завести. А кто же будет заводить, когда я уйду в экспедицию?

«Радист Малов и я» –
написано рукой
Владимира Марчука на
этом снимке. Именно
радиста Мишу Малова он
перед выходом в
экспедицию попросил
время от времени
посылать телеграммы
своей матери.

Хочется услышать и увидеть мать. Как она там сама живёт? Дам ей телеграмму, что всё хорошо, и оставлю тексты и адрес, чтобы Миша регулярно, раз в месяц сообщал: «Жив, здоров, скоро буду. Целую. Ваш сын Владимир». Она будет спокойна и после того... или чего?..

Какая сегодня чудесная погода! Ночь светлая, тихая, я впервые здесь вижу такую красоту. На горизонте бежит разноцветное северное сияние. Луна так светит, что

свободно можно читать книгу. А звёзды можно принять за электрические лампочки. $t -35-36^{\circ}\text{C}$, и еле дышит Nord-Ost.

31 января 1935 года, мыс Шмидта.

Итак, начали подготовку к выходу в экспедицию в тундру к берегам Ледовитого океана. Хочется побыть с ним на «ты»...

7-2-1935 г., м. Шмидта.

Вчера опять продолжали работать по съёмке в радиусе 2-3 км вокруг полярной станции. Работа прошла очень хорошо. Пока в мои обязанности входит определение астрономических пунктов и запись координат широт. Всё обслуживание мы делаем сами. Сегодня же работа шла хуже, так как погода плохая. Кроме того, мы с Кейлиным разошлись в разные стороны, я взобрался с собаками на одну сопку, он ушёл на другую. На сопке было очень ветрено, снега нет, только лёд и камни, собаки мёрзли и всё норовили сорваться... Я держал их, держал, пока они не поволокли меня по камням и льду с сопки вниз вместе с нартой. Но номер прошёл удачно, немного посшибал руки, а всё остальное цело. Боялся за инструмент, но дома посмотрел – оказалось, всё в порядке.

12 февраля 1935 года, мыс Шмидта.

...Выход в экспедицию задерживается из-за отсутствия одежды на меня. Придётся сшить одну кухлянку (меховая куртка с капюшоном. – *Ред.*) из двух чукотских... Настроение и состояние здоровья лучше, чем раньше. Объясняю тем, что все последние дни провожу в горах, на воздухе... Утром выехали в сопки на собаках, поработали спокойно, чертовски устали, надышались кислородом при $t -35-40^{\circ}\text{C}$. Засыпаю, едва залез в спальный мешок... Думаю послать пару телеграмм ребятам и мамаше...

16-2-1935 г., м. Шмидта.

Вот и подходят последние дни нашего пребывания на станции, скоро двинемся в путь. Правда, он будет весьма нелёгкий, придётся много бороться со стихией Арктики, её морозами, пургой, а может быть и со зверьём. Но это то, что я хотел. Будет и тяжело, и легко. Легко потому, что делаешь большое дело, а тяжесть перенести не так уж и трудно. Тяжесть – что физкультура: сначала трудно, а потом легко и хорошо... Вещи и одежда нами уже получены. Готова и палатка... Придётся побыть в дороге более 4,5–5 месяцев...

27-2-1935 г., 15 км от м. Шмидта, побережье Ледовитого океана.

Наконец-то двинулись в путь. Сегодня ровно в 13.00 вышли. Оставили позади полярную станцию Мыс Шмидта. Всё уместили на одной нарте, увязали брезентом. Для двенадцати собак груза 300–320 кг достаточно, но иногда и кто-нибудь из нас может сесть, каюр обязательно едет... В 18.00 остановились у подножья сопки, довольно высокой, разбили лагерь. Палатка хорошая, тепло, особенно когда горит печка, но и вообще тепло на воздухе сегодня. Поужинали из собственной кулинарии. В мешки – и в 21.00 спим. $t -15,4^{\circ}\text{C}$, еле-еле дышит NWW.

Полярная станция Мыс Шмидта. Старт экспедиции.

28-II-1935 г., палатка №1, побережье Чукотского моря.

Сегодня после завтрака ровно в 9.00 вышли на работу.

Итак, первая ночь в палатке на берегу Ледовитого океана, нет, под сопкой у берега океана. Как спали? Снимаем унты и кухлянку, шапку и всё своё снаряжение. Лезем в спальный мешок, который разрезан посередине. Разрез имеет два клапана. Когда влезешь, один клапан тянешь на себя и таким образом закрываешь отверстие в разрезе. Ночью высунул голову и глянул на термометр: было -18°C . Значит, на дворе где-то 25–30. Палатка всё же занесена снегом, а вечером топили. Вылезать из тёплого спального мешка на -20 , а иногда и -30 ... В мешке держим и всю свою одежду, тогда она тёплая, а ту, что носили днём, выворачиваем наизнанку, мехом наружу. Утром встряхнёшь, и мелкие льдинки замёрзшего пота осыпаются... От пота мех сбивается в комочки и совсем не греет.

Завтракали остатками от ужина, разогрели на пока ещё действующем примусе.

Уехали на работу за 11–12 км. Нужно было определить две сопки и расставить знаки. Одна сопка оказалась не очень высокая, а вторая, $h = 378 \text{ m}$, тоже не очень высокая, но по форме прямо-таки геометрическая высоченная фигура, со всех сторон подъём не менее $45\text{--}48^{\circ}$. Еле-еле взобрались. Назад, т.е. вниз, ехали на «своём собственном транспорте».

Устали прилично. В 17.15 были уже в палатке. Значит, провели на морозе 8 часов 15 минут без захода в палатку.

Кейлин уже полумёртвый от усталости. Такому с Севером трудновато будет бороться... Согрел чай, подогрел банку овощных консервов, сварили полуфабрикат супа рисового, поджарили тушёнку и открыли литровую банку фруктового компота. В общем, покушали хорошо. На материке этого хватило бы на 6-7 человек. Но мороз еду любит. Топливо для организма. Температура в палатке, когда горит примус, -13 . А что будет, когда потушим примус?..

Нам предсказывали, что я и Кейлин разные и будем ругаться и даже не сработаемся. Но работаем мы дружно. Он слаб, но ведь это же не его вина, что он такой получился при закладке фундамента его родителями.

1-III-1935 г., палатка №1, побережье Чукотского моря.

Погода с утра неважная – туман и дует низовка. Выехали в 10.00 и возвратились в палатку в 14.30 – работать нельзя, ничего не видно даже на 10–15 шагов... Винчестер держу под боком от умки или волков... Собирается пережить пургу. Нужно к ней подготовиться, укрепить палатку, сделать из снега заслоны, а то завалит так, что никто не найдёт... Сейчас 21.00, уже прилично дует. Укрепили палатку, залезли в мешки, t в палатке -18°C .

3-III-1935 г., палатка №2, побережье Чукотского моря.

Ночью даже в мешке было холодно, так как $-26,4$, да ещё с ветерком баллов 10 с NW... В 6.30, как обычно, приступил к приготовлению чая, подогреву остатков от ужина. Кормим собак раз в сутки, с вечера... На сопку, которую мы наметили как ориентир, влезть не удалось – склон примерно $50\text{--}55^{\circ}$, без кошек и ледорубов взобраться почти невозможно, разве что не брать инструменты, но без инструментов там делать нечего... Вторая оказалась ещё более крутой, чем первая, но на неё можно было подняться через другие сопки... Возвратились в 13.40, работать почти нельзя, мы как будто сидим в молоке, ветер ураганный с NOst... Каюра с нартой послали ещё вчера за топливом, и он должен был в 12 возвратиться, уже 16, не случилось ли с ним чего? В связи с пургой у меня «выходной день»: нагрел воды из снега и побрился, брился возле примуса, т.к. в палатке $-26,4$. Одну сторону бреешь, а вторая замерзает. Конечно, это не салон на улице Горького или Кузнецком, нет одеколona, ноги затекли, но сегодня впервые за эти дни побрился и умылся...

4-III-1935 г., мыс Шмидта.

Работать сегодня не было никакой возможности – сплошной туман и пурга. Решили пойти на полярную станцию, сделать кошки и какие-никакие ледорубы или альпенштоки – лезть на сопки без них совершенно невозможно... И нужно перенести на карту то, что сделано за эти дни... Вышли в 12.45, пришли в 19.10, шли 6 часов 25 минут, если считать по 5 км в час, то прошли 32,5 км. Определялись по торосам океана и компасу. Я не особенно устал, уже втянулся. Дорогой очень много спорили по разным вопросам, пели песни, дурачились... Падали, но не было никакой злости, только дружно смеялись друг над другом...

Когда подошли к фактории, встретили нашего каюра Туюкая, который ехал к нам. Оказывается, он по дороге от нас сильно ушиб ногу, и все эти дни была пурга, он боялся ехать. Мы вернули его на станцию...

Ложусь спать в своей кровати на станции. t –22,4, anerоид 768, 7, ветер NW, небольшая пурга, туман.

8-3-1935 год, палатка №2, побережье Чукотского моря.

...Вчера вечером прибыли на старое место. Палатка была вся занесена снегом. Еле-еле её нашли, откопали, и только после тяжёлой работы смогли влезть внутрь...

17-III-1935 г., палатка №3.

Выехали в 14.50 на новое место, отъехали от старого 12 км и остановились. Ехали всю дорогу в сплошном тумане, на несколько шагов ничего не видно, как будто находишься в банке с молоком. Ехали, не зная куда, так как нельзя было определиться, знали лишь примерное направление – север, по ветру. Остановились потому, что совсем ничего не видели, боялись, чтобы не слететь вниз с какой-нибудь сопки... t –23,8, anerоид 756, ветер с NWN, туман.

18-III-1935 г., палатка №3, побережье Чукотского моря.

Сегодня утром на собаках с каюром Туюкаем поехали в Пильхен за продуктами. Это посёлок на берегу океана, где стоят пять яранг и маленькая фактория. Прибыли в 16.00. Ехали по берегу океана. Какая красота при ясной погоде! Вдоль кромки берега – нагромождения торосов, чистейшего голубоватого полярного льда, который ветром пригнало из глубин океана. Получилось, что океан сам себя огородил ледяным забором местами до 15–20 м высоты, а слева от нас хорошо видны белоснежные сопки...

18-III-1935 г., палатка №4.

...Встали в 10.00, т.к. ночь почти не спали, потому что был сильный ураган с пургой. Самое страшное, когда такой ураган с сильным морозом застаёт сонных людей внезапно. Мы же были наготове, ожидали, что ветер может поднять нас в воздух вместе с палаткой, хотя она была занесена снегом, причём настолько, что я время от времени вылезал наружу и сбивал снег, чтобы палатка не порвалась под его тяжестью...

Рабочий момент.

Силу пурги и состояние человека, находящегося вдали от благоустроенной жизни, поймёт только тот, кто перенесёт это на себе, – никакое описание не передаст...

В 12.30 выехали на новое место. Прошли по сопкам и тундре 28 км. Чертовски устали, еле доплелись к 22.00. Пока устроили яму для палатки и собак, пока установили палатку, развязали нарту и влезли в палатку, было уже 24.00, поужинали и легли спать в 1.20 ночи. Так устали, что еле в мешках ворочаемся.

Мороз -15°C , aneroid 757,5, ветер WNW 5 баллов.

21-III-1935 г., посёлок Пильхен, побережье Чукотки.

...Утром пурга, ничего не видно, работать нельзя. Решили поехать на собаках в Пильхен и немного просушиться, так как спальные мешки здорово пропотели, а это значит, что если их не привести в порядок, будем мёрзнуть. Ехали по компасу на N, а там по берегу океана...

Первый раз в своей жизни буду спать в яранге...

23-III-1935 г., п. Пильхен.

Сильная пурга... Утром каюр Туюкай уехал на п/ст (полярную станцию. – *Ред.*) Мыс Северный. Беспокоюсь, доедет ли благополучно, хотя дорога по берегу океана. Послал с ним письмо...

26-III-1935 г., палатка №4.

Утром вышли из п. Пильхен к палатке, туда, где её оставили. 26 км по тундре. Идти плохо, хотя пурга и сдула сверху снег, но всё же проваливаешься по колено... Интересно то, что иногда, пока нет пурги, идём до потери сознания, утоляя голод кусочком шоколада, по сопкам, по тундре. Днём ветра почти не было, t опускалась ниже шкалы термометра, -38 , а сейчас наверняка $-40-45$. По приходе в палатку затопили печку, примус привезёнными с м. Шмидта дровами и греемся. Кейлин даже сидит без кухлянки... Завтра пойдём на мыс Северный – возможно, уже прилетел Миша Водопьянов из Анадыря и привёз письма от родных. t ниже шкалы (ниже -40), aneroid 777,8, тихо.

30-III-1935 г., м. Шмидта.

...Водопьянова всё ещё нет, ему безусловно мешает погода. Но когда погода улучшится, нас, возможно, уже здесь не будет. Завтра собираемся в 5-6 утра уехать с мыса Шмидта на мыс Биллингс, а оттуда пойдём по направлению к мысу Шелагский, что в Чаунской губе. Там примерно на расстоянии 350–380 км почти незаселённая местность, а когда весной вода идёт с гор – и почти непроходимая. Когда закончим съёмку тех районов, вернёмся в Пильхен и на мыс Шмидта. Начальник станции приказал вернуться не позже 15 июня, после чего заняться ремонтом плавсредств. Пока пойдём, а там будет видно, это же не в кино на Маросейку, а идёшь в арктическую неизвестность.

t -30 , ветер NW 5 баллов, aneroid 780, туман.

2-IV-1935 г.

...Утром пошли к одной из сопек, прозванной нами Гроб... Наверх лезли на четвереньках: я впереди, рубил прикладом винчестера ступеньки, а Кейлин карабкался за мной, – но слезать было ещё хуже. Кейлин вернулся на вершину и начал искать другой спуск, я же вернуться на вершину не мог и должен был спускаться дальше. Вдруг срываюсь и лечу молнией в бездну, но успеваю на лету вогнать ствол винчестера в твёрдый слежавшийся лёд или снег – ненадолго: снова срываюсь, но лечу уже не по воздуху, а на «собственном транспорте» со скоростью 20–25 км/час. Вижу впереди свой «гроб» – кучу камней и обрыв, но опять везёт: хватаюсь за первый большой камень, отдыхаю и начинаю спускаться – и слезаю. Повреждений почти нет.

Кейлин спустился благополучно. Отдохнули, в 16.20 пошли обратно, прошли 8–10 км, стемнело, и тут начали кружить. Я так устал, что хотел вырыть яму и лечь спать, но побоялся, как бы это не стало роковым. Мы съели по плитке шоколада, покурили и пошли, взяв курс на Полярную звезду...

Накануне были на ногах 15 часов на морозе, прошли 52 км, сегодня более 12 ч на ногах, прошли 35–38 км...

7-IV-1935 г., м. Шмидта.

Утром получили телеграмму, что вылетают из Анадыря Водопьянов и Линдель, всё время имели с ними связь до самой станции, и в 15.13 над аэродромом показались самолёты. Первым сел Водопьянов, за ним Линдель. Они оба прилетели на Р-5, которые немного переоборудовали для Севера – сделали газоотводные трубы в кабину для обогрева. Из-за отсутствия ребят из авиаотряда пришлось мне и б/м (бортмеханику. – *Ред.*) Арабкину принимать оба самолёта. Машину Водопьянова приняли очень хорошо, а у Линделя при пришвартовке откололась кромка крыла центроплана, так что придётся его заклеить, но это пустяк.

Привезли они очень много писем и разных посылок и газет... Водопьянов летит на остров Врангеля и обратно на мыс Шмидта...

Полярные лётчики Владимир Водопьянов (в центре) и Мауно, или Марио, Линдель (справа).

13-IV-1935 г., побережье Чукотского моря.

Кейлин с утра ушёл на астрономический пункт проверять буссоль. Я остался сидеть в яранге, ожидать наших каюров с нартами. Но прошло более 19 часов, а его всё ещё нет. Беспокоюсь, не случилось ли чего. К тому же он очень легко оделся. Пошёл без меховых брюк и без верхней кухлянки.

Что-то часто лезут в голову мысли о женщинах, даже молодая чукчанка действует на меня возбуждающе, хотя её стройная фигура, да притом ещё почти совершенно голая, разве не подействует? Но, однако, я далёк от мысли сойтись с чукчанкой. И именно потому, что не в моих взглядах проводить так национальную политику среди отсталых народов. Это было бы преступление. Побольше работы, и дурь из головы вылетит. Хотя иногда и при сильной усталости дурные мыслишки иногда лезут в голову...

t –21,3, ветер NWW 2-3 балла.

15-IV-1935 г.

Вчера утром вышли из Пильхенау. Прошли с работой 36 км. День был очень хорош, светит солнце, даже тепло, и совершенно тихо. Лишь вечером нас встретил первый западный ветерок, да ещё с t –25,6°C, так что лицо пришлось немного прикрыть, а то можно остаться без носа, но шли всю дорогу без шапок. Невольно вспоминается Украина, где при –25 даже закрывают школы «в связи с сильными морозами», а здесь при –25, да ещё в солнечную и тихую погоду, лучшего и желать нельзя: ходим без шапок и рукавиц...

Начал часто вспоминать Р., было бы очень интересно встретить её, ведь она очевидно стала уже иная, повзрослела, и всё это придаёт ей красоты...

20-IV-1935 г., мыс Биллингс, побережье Чукотки.

По прибытии на мыс Биллингс мы задались целью хорошо отдохнуть и набраться сил для дальнейшего пути. Помылись, надели чистое бельё, и Муся (Кейлин. – *Ред.*) начал готовить «банкет» в честь благополучного прибытия. Вечером собрались все здешние «европейцы» – учитель Сульженко, начальник фактории Корольков, Семёнов – помощник в экспедиции Дитмара, одна чукчанка с фактории, Муся и я.

На мысе Биллингс.

Посёлок на мысе Биллингс возник в 1929 году. В 1928 г. американский король пушнины Свенсон вёз на шхуне разный товар в Нижнеколымск для обмена. Шхуна дошла до мыса Северного (мыс Шмидта) и была затёрта льдами. Там и зимовала. В навигацию 1929 года шхуна прошла 234 км до мыса Биллингс, где льдина пробила ей борт. Шхуна затонула на расстоянии всего полутора-двух километров от берега. Американцы на катерах вернулись на

родину, оставив двоих наблюдать. Эти двое построили себе домик, а когда в 1934 году шхуну выбросило штормом на берег, открыли факторию – так много было на ней товара. Вокруг стали селиться чукчи, появилась школа... По-чукотски это место называется Валькорайн.

Мороз –14,8, туман, ветер Ю.З. два балла, aneroid 769,5. Кончил читать «Борьбу за Эверест».

20-IV-1935 г., мыс Биллингс.

Завтра еду на мыс Шелагский. Путь дальний и нелёгкий, так как на расстоянии более 250 км нет ни одной яранги. Кроме того, очень тяжёлый рельеф – горы, скалы, обрывы, море, дельта реки, торосы, приливы и отливы. Много бурых и белых медведей... Я должен ехать через Лялёру (так чукчи называют тундру. – *Ред.*) к бухте Нольде или на мыс Шелагский, а Кейлин будет продвигаться навстречу нам на соединение.

1 Мая 1935 года, яранга Телемы.

...В 3.30 утра 1 мая добрались сюда. Ночью сейчас ехать лучше, хотя ночи почти уже нет. Солнце заходит в 21.15, а в 3 часа всходит, так что круглые сутки светло. С 20 мая начинается сплошной полярный день, который тянется до конца августа. Так что здесь то круглая ночь, то круглый день, и то и другое с сильными морозами. Сегодня t – 26,6°C, ветер NW 8 баллов, ясно.

6 мая 1935 г., мыс Шелагский.

Купил 6 нерп (в качестве корма для собак. – *Ред.*). Завтра утром думаю выехать, боюсь лишь, как бы не подвели меня чукчи. Винчестер оставляю Онисимову. Встречу ли в бухте Нольде Мусю или нет?

7 мая 1935 года, мыс Кибера.

В 12 дня выехал с двумя нартами, нагруженными нерпой, на мыс Кибера, но так как в одной нарте собаки оказались плохие, пришлось её отправить обратно, а весь груз переложить на другую. Дорогой много видел следов медведей. Видел даже медведицу с медвежатами, которая ушла вглубь океана, подгоняя их головой.

8 мая 1935 г.

...В бухту Нольде прибыли в 22 часа, но Муси там нет, так что работать придётся одному. Но плохо, что нет чайника, нет кастрюли, есть одна лишь кружка. Нет и топора, чтобы дров нарубить из плавника (выброшенные на берег брёвна. – *Ред.*). Не говоря уже о том, что я без оружия. Да ладно, авось проживу. Ведь у меня большой охотничий нож, и если придётся встретиться с медведем, я первый пойду на него в атаку.

9 мая 1935 года, бухта Нольде.

Встали утром, согрели чай, или, вернее, растопили снег, разогрели консервы на завтрак, и каюр Валя уехал на мыс Шелагский. И я остался один. На расстоянии в одну и другую сторону по 150–200 км от живого человека. Ближе нет даже яранги. Думал ли когда, что буду жить сам-один, совершенно без оружия, среди сопки на берегу Ледовитого океана, где гостем может быть только «умка» – белый медведь или «кейнин» – медведь бурый? Но так я живу в бухте Нольде.

9 мая 1935 года, бухта Нольде.

Утром прибыл Муся. Он был вчера километрах в 40–50-ти от бухты, но не мог определиться. Приехал с ним и новый каюр Телема – отличный проводник, отличный человек, он здесь всё знает... Сегодня в 24.00 они уезжают на мыс Кузьмина, встретимся через 6-7 дней в пункте Шелаурова изба. А я тем временем сниму панораму бухты, мыс Кибера, остров Шелаурова...

В бухте Нольде.

14 мая 1935 года, бухта Нольде.

Вчера ближе к вечеру возвратились в избушку Кейлин и каюр Телема... Возвратились из-за тумана, работать нельзя. Я подсчитал, что в среднем на 10 дней можно работать три, максимум четыре, и редко когда получается работать полный день – или туман, или пурга, или то и другое. Очень плохо, что у Кейлина заболели глаза. Это полярная болезнь тех, кто любит форсить, бывает, конечно, и не по вине больного – утерял или разбил очки, но что делать, работать надо... Чукчи нас научили, как делать очки кожаные, но и кожаные не очень помогают сохранить глаза.

Если у Кейлина не пройдет боль в глазах, это может сорвать нам выполнение плана работ. Уже половина мая, скоро начнется разлив горных рек. И не окончим работу, и сами отсюда не выберемся до следующей зимы.

16 мая 1935 года, бухта Нольде.

С утра ещё был туман, но к 13.00 разошелся, и в 14.00 мы пошли на ближайшую сопку. Кейлин на чукотских лыжах, я же шёл без лыж и потому всё время проваливался по колено, а иногда и по пояс в снег. Одеты совсем легко. В одних лёгких пыжиковых кухлянках, даже без рукавиц, так как было очень тепло ($t -9,8^{\circ}\text{C}$)... На солнце всё очень ярко блестит. Теперь ни шагу без очков. Высота сопки 450 м. Потом пошли исследовать неизвестную реку, дали ей название «река Марчука». Всего прошли 30 км за одиннадцать часов. Путь тяжёлый – по колено, по пояс в снегу. К вечеру t упала до $-22,4^{\circ}\text{C}$. А на

Украине сейчас уже всю купаются в Днепре... Очень устали, поели, пьем какао, лезем в мешки. Тихо, светло (уже 17 мая, солнце взошло в 0.20, t -23,8°C).

19 мая 1935 года, мыс Кибера, изба Шелаурова.

Вчера в 8.45 вышли на мыс Кибера. Шли через бухту по пояс в снегу... В избушку пришли в час ночи... Решили, что я должен возвращаться на мыс Северный и готовить плавсредства. Да, это будет вернее, так как работа уже подходит к концу, а главное, что я должен спустить катер на воду к 10/VI... Утром сдал всё Кейлину и к вечеру думаю переключиться обратно в бухту Нольде, а из бухты Нольде через Лялёру, если перейду (название переводится как «Плохое место»), на мыс Биллингс, а там буду ждать нарту. Плохо лишь одно: нет посуды для воды и нет оружия.

21 мая 1935 года, Лялёра, тундра.

Взял с собой палку для промера снега, спальник, мешок, компас, ручную, спички, немного какао, несколько кусочков сахара, кружку, а в баклажке грамм 200 спирта. «Ночевал» в тундре – влез в мешок и часа 4 проспал. Встал и опять пошёл вперёд, шёл и шёл. Моя первая цель была перейти до паводка реку Кувет. Выбился из сил, а главное – не было чего пить. Снег по колено и выше, парит солнце, от него снег мокрый и рыхлый... Отсчитываю 10 шагов, постою минуту и опять десять, это лучше, хоть чем-то отвлекаешься. После 100 шагов стою три минуты. Сесть не решаюсь – могу не встать... Вот наконец и русло реки Кувет. Ура, перешёл, но впереди ещё несколько её рукавов, и сколько их, никто не знает. Если не выберусь до паводка, то считай всё, Володя, кончено...

Выбрал небольшую возвышенность и влез в мешок, так как идти нет сил. Часа два спал и пошёл дальше. Иду, не поднимая головы, только на компас поглядываю, знаю, что нужно идти на С.В. 60°, и показалось, что слышу какой-то шум. И что я вижу? Впереди метрах в 20–25 стоит стая волков, очень больших, и все смотрят на меня. Я схватился за финку, но вдруг инстинктивно, ничего не думая, видимо с перепугу, так громко заорал: «Эге-ге!» – что волки стрелой помчались по направлению к сопкам. Они шли, как я потом узнал, «с обеда», от выброшенного на берег кита. Я почему-то ещё раз крикнул и пошёл дальше. От этой встречи у меня как будто прибавилось сил. Перестал считать шаги. Сейчас на щепе, что взял с собой в бухте Нольде, грею из снега воду в кружке и сливаю в бутылку на дорогу. Вскипятит три кружки вместе с остатками какао. Жаль, что мало сахара. Полторы кружки выпил, остальное слил в бутылку. Где байдарка, не знаю. Я должен был её найти на тот случай, если пойдёт с гор вода или меня застанет морской прилив.

24 мая 1935 года, мыс Биллингс, землянка Конченко (яранга Телемы).

Итак, переход завершён. Очевидно, кто хочет жить, тот всегда находит выход. Как я дошёл, сам удивляюсь, как попал сюда, не знаю, не знаю и когда, так как перепутал день и ночь. Во-вторых, почти ослеп. Руками открою глаз, посмотрю на компас, ведь надо держать курс С.В. 60°, – и дальше. Опять считал шаги, но уже не по 10, а по 25. Помню, что последний мой отдых был километрах в 12–14 от Браханау, где я из-за усталости и боли в глазах пролежал часов 8. Потом подул северный ветер, немного прояснилось, и я увидел Браханау. Собрал последние силы и пошёл дальше. По глубокому, рыхлому снегу сделал 10–12 км, пока окончательно не выбился из сил. Начало лихорадить, кружиться голова, пошла кровь из носа, потом из горла. И жажда: пить, пить. Ведь я уже вторые сутки живу снегом, а воды ни глотка... Вдруг, проходя через долину, увидел бревно-плавник, когда-то выброшенное морем. Остановился, вынул финку и начал ею «рубить дрова». Кое-как нащипал десяток кусочков, облил спиртом и развёл костерок, который, вероятно, меня и спас. Согрел в кружке кипятку, обшарил все свои карманы, развёл в воде остатки какао, съел две галеты, кусочек сахара и вдруг почувствовал такой прилив сил, что пошёл дальше и даже перестал считать шаги. Но вот беда: окончательно перестали видеть глаза. Боль и резь невероятные заставляли бросаться на снег и по несколько минут лежать...

Утром, когда рассеялся туман, я увидел ярангу. Залез внутрь – и больше ничего мне не было нужно. Сутки ничего не ел, только тёплую воду давали чукчи. Но от тёплого воздуха сразу перестал видеть, и началось сильное кровотечение из носа. На вторые сутки это прошло, хотя глаза ещё сильно болят и затекают слезами, всё как будто в дыму. Но я уже среди людей, и мне на всё наплевать. Никто и никогда не поверит, что такое можно перенести, пока сам не почувствует, скажет, что это ложь. Но нет, это не ложь, на такое способен каждый, это естественная борьба за жизнь.

25 мая 1935 года, яранга Телемы.

Когда я немного пришёл в себя, чукча Телема, этот чудесный человек и ещё лучший охотник, рассказал подробности того, как я к нему попал. Он ехал с охоты, и вдруг собаки остановились и изменили направление. Проехали с полтора километра, и он увидел что-то чёрное. То был мой спальный мешок. Я спал или доходил. Он положил меня на нарту, ощупал – жив! – и повёз к себе. Потом сутки поил тёплой нерпячьей кровью и кипятком, так что я не пришёл в ярангу, а приехал, но ничего этого не помню.

Вот так благополучно и закончился мой переход без оружия и воды через знаменитую Лялёру. Но как мог более опытный Кейлин отпустить меня? Ведь у него оставались два винчестера и наган. Был наган и у меня. Но я ещё раньше все патроны выбросил, чтобы они меня не смущали, если будет туго. Это, пожалуй, лучше всего.

30 мая 1935 года, мыс Биллингс.

На мыс Биллингс после лечения в яранге Телемы меня доставили на собаках. Сiju уже шестой день в ожидании самолётов, которые должны лететь с мыса Шелагского, забрать груз на мысе Шмидта и забрать меня. Здесь получил два письма от ребят с мыса Шмидта... Живу у Володи Дитмара. Это замечательный человек... Все эти дни было тепло, начал сильно таять снег. Ветер с востока оторвал от берега льды и унёс в море. Но сейчас сильная пурга...

2 июня 1935 года, мыс Биллингс.

Скорее бы на мыс Шмидта. Ведь там очень много предстоит работы ещё с гидрологами. Чувствую себя не особенно хорошо, сказывается усталость и ненормальная жизнь, болит голова и ещё бывает резь в глазах... Ветер с N-Ost. Ночью, когда солнце опускается чуть ниже, бывает даже мороз до $-10-12^{\circ}\text{C}$ ...

3 июня 1935 года, мыс Биллингс.

В 14.00 сел самолёт Н-44. Второй самолёт, Н-47, который летел с ним с мыса Шелагского, потерпел аварию и сел в Лялёре. Экипаж Н-44 просит оказать пострадавшим помощь, так как они находятся в очень опасном месте... Несмотря на то, что ещё болен, я с двумя нартами срочно выехал спасать пострадавших. Других желающих не было, хотя все одобряли. Будет ли успех, не знаю, знаю лишь, что будет тяжело. Ведь уже наступила арктическая весна, и каждый маленький ручей становится бурной рекой, которая всё сметает на своём пути. Итак, еду!

8 июня 1935 года, мыс Биллингс.

Поездка на помощь потерпевшему аварию самолёту окончилась безрезультатно... Прошли мы на собаках от мыса Биллингс к устью реки Кувет более 130 км и далее в море километров на 45 в обход устья к месту аварии самолёта Н-47, но следов его не обнаружили. Вода уже покрывала лёд... Я взобрался на большой торос, чтобы в бинокль осмотреть пространство разлива реки, и обнаружил в море чёрную точку. Ни я, ни чукчи не смогли разобрать, что это. Потом в километре севернее чёрной точки рассмотрели флаг, но подойти ни к нему, ни к чёрной точке ни на нартах, ни пешком было невозможно... Вода всё прибывала, смывая на своём пути торосы... Решили возвращаться и организовать что-нибудь другое для помощи экипажу Н-47... Встретили Володю Дитмара, он ехал с одной нартой нам на помощь. Решили вдвоём идти на байдарке в море...

Когда через трое суток прибыли к байдарке, выяснилось, что нет вёсел. Нашли выброшенный плавник и своими финками беспрерывно два дня и две ночи резали вёсла, и

как только рассеялся туман, спустили её на воду. Нас несло с огромной скоростью – ведь байдарка очень лёгкая, это нерпичья или моржовая кожа, а вместо шпангоутов – моржовые рёбра. Всё связано без единого гвоздя...

Когда проплыли 10–15 км, я в бинокль отчётливо увидел зачехлённый самолёт. Он стоял на большой льдине, покрытой снегом по колено, а под снегом не знаешь, что тебя ждёт – вода или лёд. Мы пришвартовались к льдине, Дитмар остался в байдарке, а я и Гера Семёнов (помощник Дитмара, который за это время присоединился к спасателям. – *Ред.*) по пояс в мокром снегу пошли к самолёту. Он стоял как на аэродроме. Я расчехлил мотор и увидел, что полетел коленвал и разбит картер двигателя. На борту самолёта вдоль фюзеляжа было вырезано: «Большевики умирают, но не сдаются. Да здравствует освоение Арктики. Лётчик Катюхов, б/м Соколов».

Я расчехлил кабину и влез внутрь. Там не было компаса, вскрыт ящик с НЗ, часть продуктов забрана. Я сфотографировал самолёт, потом Геру рядом с ним, потом Гера меня, для доказательства. Зачехлили всё и пошли к байдарке. Я сфотографировал самолёт и из байдарки, а когда отплыли метров на 200–250, началась подвижка льда. Мы выскочили на ближайшую льдину и вытащили байдарку, а самолёт на наших глазах ушёл в морскую пучину.

Теперь наша задача была, как против течения и против ветра добраться до материка...

18/VI-1935 г.

Отдохнули немного на суше (как потом оказалось, это был полуостров Аачен, куда лодку выбросило после нескольких дней плаванья. – *Ред.*). Поставили даже палатку. Живётся как на курорте по сравнению с байдаркой, где мы непрерывно работали, пока кто-нибудь один дремал. Байдарку в любую минуту мог перерезать острый край льдины.

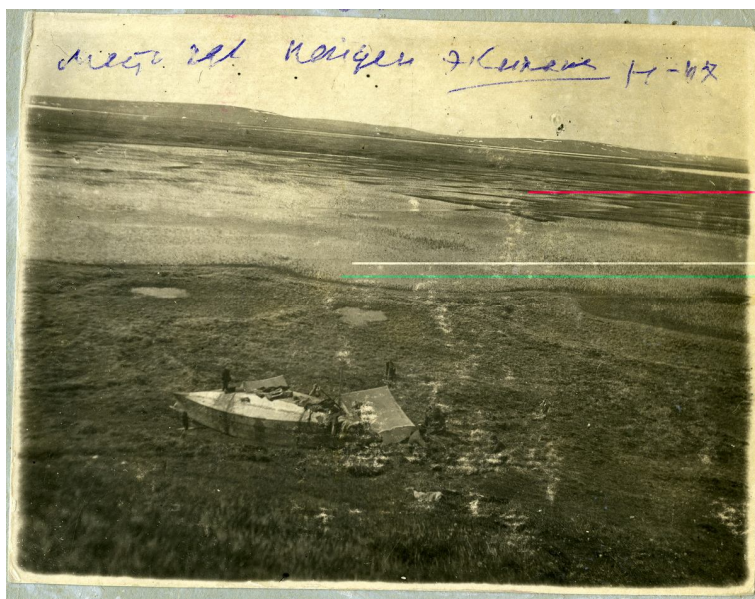
В 2 часа я и Дитмар пошли осматривать остров или полуостров, искать лётчиков с Н-47. Прошли километров 8-9 и возвратились, так как путь преградила река, и обойти её не было возможности, она текла откуда-то с гор. Опять начали болеть глаза от солнца...

19 июня 1935. Передохнули, поспали в мешках. Опять с Дитмаром начали искать следы экипажа Н-47. Встретили чукчей-охотников, которые очень удивились, увидев здесь русских... Все эти дни на горизонте летали в одном и том же направлении Р-5 и У-2, летали очень низко. А один раз – прямо над нашей палаткой... Мы решили, что на полуострове Аачен лётчиков нет и не было. Если бы они шли по дрейфующему льду на Аачен, то наткнулись бы на ярангу кочующих чукчей. Наш план выполнен. Мы обследовали район с суши, с моря, нашли и сфотографировали самолёт, обследовали Аачен. Сейчас ещё осмотрим возвышенность в дельте реки. Я должен возвращаться на мыс Шмидта. Дитмар и Семенов останутся в районе Брахенау, там они должны провести геологические исследования... Глаза ещё сильно болят...

25 июня 1935, Лялёра.

Я вылез из мешка в 6 часов утра, начал собираться. Через некоторое время проснулся и Гера Семёнов... У Дитмара началась, мне кажется, цинга, тело покрылось чёрными пятнами, не может ходить, болят глаза. Мы тянем его в байдарке или на санях. Развели костёр и начали варить на завтрак утку, которую вчера убил Гера, и кипятить чай... Быстро уложились и «поплыли» по реке или по рукаву, который в некоторых местах был не шире байдарки, но везде очень глубоко, до 2–5 м и больше... Курс был ЮЮВ по направлению к большому холму, чтобы оттуда в последний раз осмотреть в бинокль Лялёру и все холмы, а дальше плыть строго на восток. Когда подплыли, я поднялся на холм, чтобы посмотреть, куда дальше плыть, потому что без снега тащить байдарку с Дитмаром было тяжело. Осматривая рукав, заметил на другой стороне что-то чёрное и блестящее. Думал, что это остался тюлень или морж. Стрелять было далеко, хотя винчестер у меня имелся, и пять патронов. Решил, что возьму байдарку, переплыву и уже там буду стрелять...

Место, где ожидал спасения экипаж самолёта Н-47.

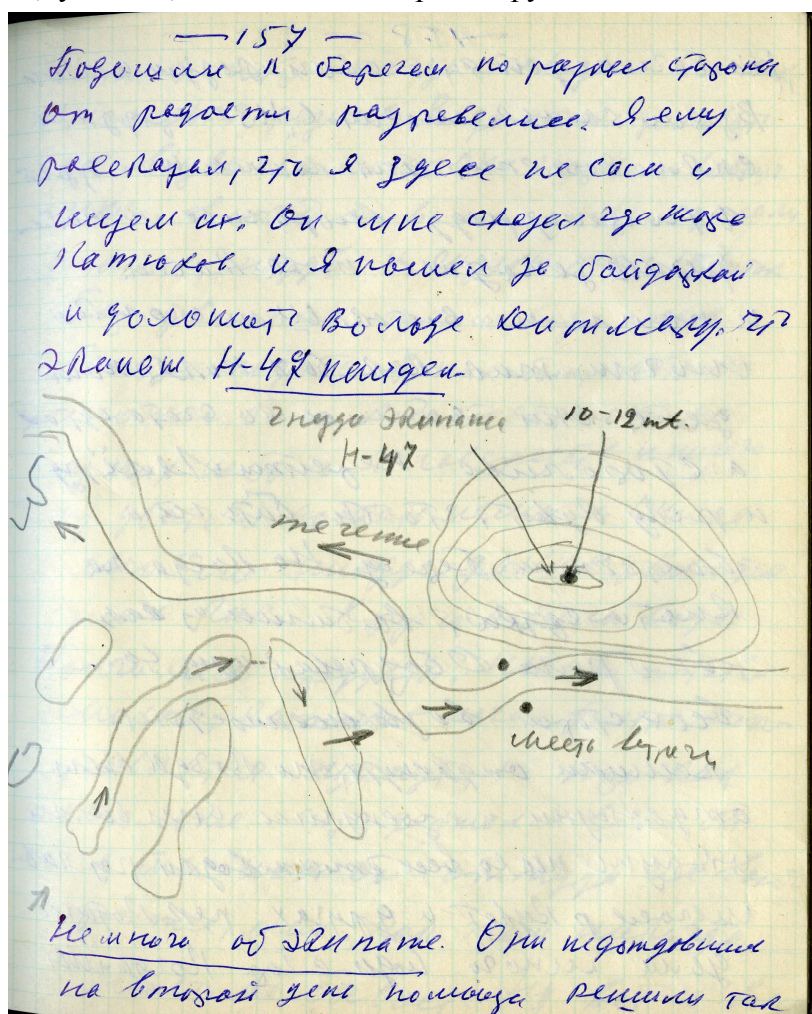

выбрались на побережье западнее п-ва Аачен и пошли на восток. Шли сколько могли, чтобы перейти Лялёру и реку Кувет, но так как был полярный день, они сбились со счёта суток. Выбились из сил, нашли обозреваемую со всех сторон возвышенность и решили отдохнуть, но когда проснулись, увидели, что со всех сторон окружены водой... Вода начала заливать их возвышенность. Они навалили вокруг мха, вложили в палатку, сделали такое себе гнездо и сидели 15 суток без движения, потом вода начала быстро спадать. У них имелись патроны, можно было кое-что настрелять, но без плавсредства ничего из убитого достать бы не смогли. Когда кончились продукты, начали есть мох. Катюхов стал от голода пухнуть, Юра как более молодой ещё держался. Если бы не мы, им бы оттуда не выбраться, так как там никто никогда не бывает. Кстати, когда кончились продукты у нас, мы тоже пробовали варить кожу кухлянки, а мех жечь на огне...

Когда мы все встретились, я и Юра сели в байдарку, убили нерпу и дали концерт — все нажрались, и у всех заболели животы от радости. Жору и Юру кормили понемногу:

...Когда я поднялся на ноги, поднялся и человек по ту сторону рукава. Это оказался Юра Соколов, бортмеханик самолёта Н-47. От радости мы разревелись. Я ему сказал, что здесь не сам и что мы их ищем. Он мне рассказал, где Жора Катюхов, и я пошёл доложить Володе Дитмару, что экипаж Н-47 найден.

Немного об экипаже. Не дождавшись на второй день помощи, они решили: «На бога надейся, а свой разум имей», — взяли сколько могли из НЗ продуктов, сняли спиртовой компас, по дрейфующему льду

Страница из дневника Марчука со схемой места, где был найден экипаж самолёта Н-47.

так сильно отощали, что сначала даже аппетита не имели, но потом аппетит появился, и они начали быстро приходить в нормальное состояние. Лучше стало и Володе Дитмару.

26 июня 1935, Лялёра.

Сегодня у нас день отдыха. Имеем же мы право на это или нет?? Все помылись в реке, Гера и я даже постриглись и побрились... Много болтаем, настроение и у ребят, т.е. у Юры и у Жоры, переменялось к лучшему... Загораем на солнце. Таких дней отличных ещё не было в этом году.

27 июня 1935, Лялёра.

...Утром примерно с километр пришлось тащить байдарку на плечах, но сейчас легче. Нас четверо, хотя работоспособных только двое – я и Гера, Юра и Жора больны, у Жоры опухоль ещё не сошла с рук и ног, ну и Дитмар болен – по сути, без глаз. Байдарку на плечах тащили потому, что в этих местах снег снесло половодье... Но это уже не страшно: во-первых, мы все вместе и знаем, куда держим путь, а во-вторых, это последний сухой переход, так как подойдём к восточному рукаву р. Кувет и по нему будем двигаться куда угодно. Лодку спустили на воду, уложили вещи и, идя по берегу, тянем её на буксире... Ребята чувствуют себя хорошо... К вечеру пошёл дождь с мокрым снегом... Мы с Герой очень устали, устал и Семёнов, даже не пошёл ужинать...

28 июня 1935 года, р. Кувет (залив).

Спали долго... Шли гуськом по берегу, байдарку тянули Гера и я. Большую часть пути тащили Дитмара. Он не только глазами, но вообще болен. Иногда садился в лодку и Катюхов. Юра же здоров. Под вечер переплыли по двое зараз на другой берег реки и начали устраиваться на ночёвку. Время было 22.00. Итак, наш рабочий день с 10 до 22-х – 12 часов. Многовато, но нужно спешить выбраться отсюда скорее. Реку Кувет с её каверзными рукавами, озёрами и болотами мы перешли или переплыли. Экипаж Н-47 найден и выведен в полубезопасное место. Теперь будем держать курс на мыс Биллингс.

30 июня 1935 года, залив р. Кувет.

...К 11.00 подошли к р. Куль, перешли на другую сторону и начали прощаться с Володей Дитмаром. Он и Гера должны пойти по р. Куль в горы, а мы дальше на мыс Биллингс (он нас километра два провожал, не мог расстаться)... Путь по склонам Брахануа был очень трудный, почва кочковатая, мокрая, местами россыпи морен, оставшихся от ледникового периода. Они бывают диаметром от 1,5 до 5 метров, так что прыгать по ним – надо быть неплохим акробатом, ну а если упадёшь, придётся отсчитать от себя одно или два ребра... Когда спускались с Брахануа, я впервые стал путаться в направлении, так как всё начал затягивать туман и мыс Шалаурова изба не был виден... Когда туман начал рассеиваться, оказалось, что мы совсем недалеко от яранги Телемы. Вся его семья встречает нас с восторгом. Он ставит палатку, готовит ужин, и мы ложимся спать. За этот день мы прошли по мокрой тундре и моренам 35 км. Опытный и знающий Володя Дитмар отводил нам на этот путь два дня.

1-VII-1935 года.

Лагуна Биллингса. Встали в 5 часов утра... По пути 22 яранги, во все мы заходили. И всюду нас встречали с неприкрытым удивлением. Нас все считали, как чукчи, так и русские, уже мёртвыми. Не только экипаж Н-47, но и весь поисковый отряд – Дитмара, Марчука и Семёнова Геру. Наш сегодняшний путь по сравнению со вчерашним значительно легче... В 17.45 дошли до Конченко. Нас встретили наилучшим образом... Завтра, если будет погода, двинемся морем на мыс Биллингса. Осталось 12 км.

2-VII-1935 года.

В 14.10 приползли на мыс Биллингса, очень устали – пришлось обходить цепь лагун морем по торосам, а это очень тяжело. Но наша усталость прошла, как только увидели, что возле фактории стоит самолёт и возвышаются радиомачты. И здесь нас всех считали погибшими. Самолёты летали часто, это и мы видели, но никого не обнаружили. В последние рейсы они искали уже не экипаж Н-47, а наш отряд... Через час-полтора

прилетел ещё один У-2, а через два – ещё два самолёта Р-5. Ребята нагрели воды, всех нас вымыли в бочке из-под бензина, даже достали чистое бельё... Телеграфировали в Москву о нашем прибытии. Оказывается, начальник авиаотряда получил телеграмму: если не примет мер к поиску Н-47 и не найдёт нас, то понесёт личную ответственность.

3/VII-1935 г., м. Шмидта.

Утром начальник станции проинформировал всех о нашей работе и премировал тех, кто принимал участие в поисках и спасении экипажа Н-47. В 13.00 поднялись в воздух на мыс Шмидта. Летели очень тяжело, т.к. был сильный встречный ветер, на h 600–500 м... Опять банкет с выпивкой. Я наклюкался довольно прилично, но всё обошлось хорошо.

4/VII-1935 г., м. Шмидта, авиаотряд.

Утром ушёл на полярную станцию (расстояние от ангара до п/с 7 км). На станции встретили меня очень равнодушно, даже хуже, чем любого нового человека, за исключением некоторых ребят. Вечером начал меня допрашивать уполномоченный ГПУ. Его тон мне не понравился – открыто недоверчиво ко всем моим показаниям. Хотелось прекратить разговор и обо всём рассказать в Москве.

5/VII-1935 г., м. Шмидта, полярная станция.

Утром опять допрос по поводу розысков самолёта... Он довёл меня до слёз, чего никогда не случилось. Решил отказаться давать какие-либо показания... Ещё неделя, и приступаю к работе.

8/VII-1935 г., м. Шмидта, п/с.

Все эти дни занят подготовкой катера «Основатель» к спуску на воду. На п/с сейчас гораздо тише, чем раньше. Чем это вызвано, не знаю, но это факт. Получил телеграмму от матери, пишет, что денег не получает. Написал в ГУСМП (Главное управление Северного морского пути. – *Ред.*) в Москву.

10/VII-1935 г., п/с, м. Шмидта.

Сегодня был спуск на воду нашего «Основателя». Я хоть и предполагал, что поскольку собирает его механик Карасёв, всё будет плохо, но оказалось, что катер не только в море – в бухте не может плавать. Всё сделано небрежно. Он знал, что плавать будет не он, а Марчук.

Плавсредство арктической базы Мыс Шмидта, отремонтированное Марчуком.

13/VII-35 г.

Сегодня пришёл к нам первый пароход «Анадырь». На нём мы все побывали, многое узнали о жизни там, на материке, очень много интересного, а главное, что жизнь гораздо лучше, чем раньше, а ведь минул всего один год. Весь тяжёлый путь СССР уже прошёл. На пароходе достали и прочитали речь тов. Сталина на выпуске Академии РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии. – *Ред.*). Речь П.П. Постышева на пленуме

Киевского ГПК (городского партийного комитета. – *Ред.*) и Е. Ярославского «Что партия требует от коммуниста». Как много нового, как быстро бежит жизнь. Рост культуры, грамотности народа, а главное – рост мощи СССР. Пробыл здесь год, а можно отстать на 5-6 лет.

Сегодня мы ждали «Красина» (речь идёт о ледоколе. – *Ред.*). Мы с ним должны делать ледовый разрез...

21/VII-35 г., м. Шмидта, п/с.

...Ещё осталось нам пойти на разрез на 75 км и сделать промер глубины у стройки ангара, и тогда все работы будут выполнены – и гидролога Суханова, и моя...

Есть телеграмма от начальника экспедиции с ледокола «Красин» о состоянии катера на п/с Мыс Шмидта, очевидно, он хочет его взять с собой. Я бы не возражал ещё 3-4 месяца провести на «Красине» во льдах Арктики. Я бы ещё лучше узнал, что такое Арктика...

Владимир Марчук после возвращения из Арктики.